В поведенческой сфере можно выделить такие стереотипные формы как обычай, ритуал, обряд, которые могут регламентировать различные виды поведения – этикет, игровое поведение, мода, модели гендерного поведения, жестикуляция.

Обычай это стереотипизированная форма поведения, связанная с деятельностью, имеющей практическое значение, с регулированием обыденной жизни, нежестко фиксированная программа поведения. Ритуал и обряд это система действий, порой весьма символических и формализованных. В них воплощены мысли и чувства прежних поколений, вызванные у них реализацией общественных отношений и необходимые для нормального функционирования[xii]. Это единственно возможный способ поведения человека и коллектива в тех ситуациях, которые расцениваются как кризисные и поэтому требующие специальных и обязательных для всех программ поведения. Обряд лишен непосредственной целесообразности, но способствует упрочению связей между постоянными членами группы, снимает напряжение, недоверчивость, повышает уровень коммуникативности. Типология обрядов включает обряды по ритмам жизненного цикла, по календарным циклам, окказиональные (связанные с определенной ситуацией). Особыми типами обрядов являются это игра и этикет. Эстетическая сторона обряда постоянно требовала общности переживаний многих людей, выдвигала эту общность в ранг общепринятого эталона художественного вкуса, оттесняла на задний план своеволие вкусов отдельных людей. Обряд дает человеку культурно одобренную норму прекрасного[xiii].

Таким образом, под этническим стереотипом можно понимать и как упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ этнической группы или общности, распространяемый на всех ее представителей, и схематизированную программу поведения, типичную для представителей какого-либо этноса. Это специфический механизм передачи социального опыта и информации, который базируется на повторении и подражании, отличается устойчивостью и ориентирован на воспроизводство этнической традиции. Этот механизм близок типу механизмам передачи информации в искусстве, и, несмотря на стереотипность сообщений, является эффективной, информационно емкой системой передачи социального опыта.

---

[i] Коган В.З. Информационное взаимодействие.-- Томск: Издательство Томского университета, 1980. С. 78.
[ii] Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Наука,1966. С. 17.
[iii] Гумовская Г.Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста.— М., 1998. С. 13.
[iv] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре.— СПб.: Наука, 1993. С. 18.
[v] Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс. // Лотман Ю.М. Об искусстве.– СПб.: Искусство-СПб.,1999. С.439.
[vi] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре.— СПб.: Наука, 1993. С. 12.
[vii] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: ИП РАН Академический проект. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 246.
[viii] Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов.— М.: Аспект Пресс, 1997. С. 191.
[ix] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: ИП РАН Академический проект. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 246.
[x] Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии.— М.: Гардарика,1998. С. 141.
[xi] Там же.
[xii] Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. – М.: Политиздат, 1976. С. 39.
[xiii] Там же. С. 57.

ЧАПЛЯ Т.В.
г. Новосибирск

ИНФОВЗИМОДЕЙСТВИЕ И ОЦЕНИВАЮЩАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

По традиции, идущей от П. Флоренского и М.М. Бахтина, культуру можно рассматривать как социальную память человечества, носящую избирательный характер. В

основе этой памяти лежит представление о ценности того или иного явления, предмета, события, процесса как по отношению ко всему человечеству, так и к каждому в отдельности. Не всякий феномен и не всякое явление становятся составляющими социальной памяти и культуры человечества. Процесс отбора и заполнения включает в себя несколько этапов: фиксации ценностного опыта, его интерпретацию и трансформацию.

Формы фиксации ценностного опыта есть результат оценки в его атомарной целостности, они статичны и абстрактны. На данном этапе ценностный опыт представляется субъекту в своей внешней данности, в самой видимости предмета. Формы фиксации как бы схватывают простейшую суть оценки, не привязывая эту суть к ценностному опыту общества, просто закрепляя отношение субъекта оценки к ее объекту.

Формы интерпретации «разворачивают» ценностный опыт, включая его с помощью имеющихся средств в ценностную сферу общественного сознания, привязывая его к другим видам культурного опыта. В этих формах возникает различие между их предметным и смысловым планами. Формы интерпретации постоянно развиваются: меняют свою модальность, насыщенность, глубину, могут «Сворачивать» свое смысловое поле или актуализировать его в зависимости от смены доминанты исторического типа. Этот этап связан с процессом осмысления мира.

Таким образом, можно сказать, что на первом этапе заполнения социальной памяти происходит количественное увеличение объема памяти, заполнение различных ячеек культуры информацией. На втором этапе происходит перераспределение в структуре ячеек на основе полученной информации, в результате чего меняется само понятие «факт, подлежащий запоминанию» и иерархическая оценка «записанного» в память. Итогом такого процесса является забывание в результате отбора какого-то количества и смысла содержания социальной памяти, но такое забывание не есть разрушение, подразумевающее распад, а есть исключение как очищение и создание новых ценностей, смыслов и т.п.

Последний этап – формы трансформации. Они обусловливают перевод ценностного опыта из объективированной предметности в живую деятельность. Они содержат программозадающее начало, становясь (в единстве с подобными формами иных социокультурных подсистем) порождающими моделями деятельности. Они представляют объективированную сущность каждого оценочного варианта, реально общее, нашедшее свое место в предметном поле социальных вещей.

Субъект культуры при восприятии любого объекта исходит из уже сложившихся у него представлений о ценности, оценивание, в таком случае, становится лишь отнесением к ценности. Это предполагает также возможность, а чаще необходимость, осмысления оцениваемого, то есть выявление и понимание конкретного смысла, который объект имеет для субъекта. В самом широком понимании смысл выступает «как способ обнаружения субъектом значения объекта для своего субъективного бытия»[i]. Необходимо различать понятия «смысл» и «значение». Значение в отличие от смысла характеризуется как нечто существующее вне субъективного сознания, мировоззрения, системы ценностей. Оно выступает как нечто внешнее по отношению к субъекту. Смысл, напротив, предполагает значение объект для субъекта, и он не существует вне сознания субъекта.

Развитие человеческого общества и его культуры непосредственно связано с развитием оценочного сознания. Процесс познания окружающего мира и себя в этом мире идет параллельно с процессом оценивания. Динамика оценки движется по пути от выявления характера самого процесса или природного явления с точки зрения угрозы или безопасности до глубокой оценки с точки зрения полезности и бесполезности. Постепенно наряду со знанием вещей возникает и обособленная система смысла (ценностей вещей) и явлений, окружающих человека. Детерминирующим фактором поведения становится нравственный смысл – что есть добро и что есть зло, что справедливо, а что – нет, каким интересам отвечает данный объект.

В результате соотнесения объективных свойств предмета с основанием потребности субъекта возникает оценочное отношение.

Осознание оценочного отношения как личностно переживаемого соотнесения осуществляется в оценочных суждениях. Если в познавательном суждении зафиксировано знание о сущности явлений объективного мира или о законах мышления или о самом процессе познания, то оценочное суждение есть знание об оценочном отношении. В нем, как и во всяком, знании – результате, эмоциональное снято рациональным. Это именно результат, фиксация различных видов реальных оценочных отношений, многократно повторенных в актах индивидуального сознания и закрепленных в лексическом пласте естественного языка в виде слов – носителей оценочных понятий. При этом, слова, выполняющие функцию оценки, выступают в качестве феноменов общественного сознания.

Известно, что суждения, содержащие информацию о пользе или вреде явлений, действий, поступков, можно разделить на реальные и на оценочные. Например, в реальном суждении «Эта вещь бела» всегда высказывается, что известное представление субъекта суждения мыслится в некотором отношении – различном, в зависимости от формы суждения – к известному другому представлению (предикату суждения). Предикаты реального суждения относятся к представленному миру в качестве родовых понятий, свойств, деятельностей, соотношений, состояний и т.п. В оценочных суждениях к предмету, который предполагается уже представленным или познанным, присоединяется предикат оценки, который нисколько не расширяет познание данного объекта, а только выражает чувство одобрения или неодобрения, с которым оценивающее сознание относится к предмету представления.

Таким образом, оценка носит частично субъективный характер, «она представляет реакцию чувствующей и волящей личности на определенное содержание представления»[ii]. Факт предписания и содержания оценок трудно понять в рамках жизни одного индивида. Оценки, как и ценности, можно определить, только анализируя историю развития человечества и его культуры.

Основным средством оценивания, то есть выражения знакового содержания, служат не только специальные символы, но и среда обитания, оформляемая через архитектуру, ландшафт, средства и предметы бытового обихода (жилище, одежда, кухня и т.п.).

Любое оценивание начинается с соотнесения двух видов информации: информации о внешнем предмете и информации о субъекте. Видимо нельзя абсолютизировать субъективный характер оценки. Для каждого вида деятельности в качестве критериев оценки выдвигается некий обобщенный образ, образец. Стереотип, правило, норма, идеал и т.п., формальные и неформальные регуляторы жизни.

Как уже говорилось, процесс оценивания протекает на двух уровнях: эмоциональном и рациональном. В первом случае, он носит неосознанный характер и проявляет себя в чувстве удовольствия и неудовольствия («нравится/ не нравится», «люблю/ не люблю»), во втором – осознанный, и находит выражение в своей полезности и значимости. На этом уровне к эмоциональным реакциям присоединяется рациональный элемент, реализующийся в обосновании отношения у ценности («Это мне нужно, потому что…»).

Оценочные слова типа «хорошо», «плохо» выполняют функцию замещения. Понятие функции замещения дает возможность объяснить разнообразие вещей и разнообразие смыслов. «Свойство «быть хорошим» является внеестественным в том отношении, что оно не существует наряду с иными естественными свойствами. Вещи являются хорошими не потому, что они имеют особое свойство «добро», а в силу того, что этим вещам присущи определенные естественные свойства и существуют социальные по своему происхождению стандарты того, каким именно свойствами должны обладать вещи. Слово «хорошо» является заместителем имен естественных свойств, но не именем особого естественного свойства»[iii].

Когда мы используем выражения типа «хорошая вещь», это не всегда означает оценку или передачу нашего отношения. Часто такое выражение используется для передачи информации дескриптивного характера. Иногда подобные выражения используются не для передачи информации, а для того, чтобы научить слушающего правильно использовать те или иные слова или выражения в целях последующей передачи или получения информации.

Подобного рода явления могут происходить не только со словом «хорошо», но и с другими словами и их значениями: одно значение может утрачиваться, другое – приобретаться. Это возможно двумя способами. В первом случае, оценочное значение слова остается неизменным и используется для изменения дескриптивного значения и установления нового стандарта. Во втором случае, слово постепенно теряет свое значение и начинает использоваться в переносном смысле.

В результате подобных процессов выделяют несколько способов использования языка:

1) информативный, основная функция которого заключается в формировании истинных и ложных суждений;

2) экспрессивный, или оценочный, его основная цель – выражать состояния сознания говорящего;

3) эвокативный, его главная функция заключается в оказании влияния на слушающего, с целью возбуждения у него определенных мыслей, оценок, стремлений к определенного рода действиям.

---

[i] Каган М.С. Философская теория ценностей. М., 1997. С. 53.
[ii] Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 44-45.
[iii] Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970 С. 42-43.

ШТУДЕН Л.Л.
г. Новосибирск

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ, СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

Группа понятий: «современная цивилизация», «цивилизованность», «цивилизационный» и т.д. исторически связана с господствующим в наши дни типом Западной (так называемой «технотронной») культуры. Если внимательно отнестись к контексту, в котором эти понятия употребляется в СМИ, становится очевидным, что они имеют скорее идеологический, нежели научный смысл. Они знаменуют некую веху, к которой человечество будто бы приблизилось на пути к прогрессу, и провозглашаются если не идеалом, то уж во всяком случае разумным образцом человеческого общежития. При этом обычно подразумеваются, как бы в сравнении, выгодные отличия цивилизации от архаических и традиционных обществ, с их варварством, дикостью, невежеством, пренебрежением правами личности и т.п.

Мы не ставим перед собою задачу опровергать это мнение, подтверждаемое, вероятно, огромным множеством фактов и доводов; мы лишь предлагаем взглянуть на проблему современной цивилизации под иным углом зрения и попробовать ответить на вопрос: **какой тип человека она формирует?** Ведь, – давайте согласимся, – это и есть определяющая функция любой культуры. Что же, собственно, представляет собою современный «цивилизованный человек»?

В своем обычном, «нормальном» состоянии сознание современного цивилизованного человека принято называть обыденным. Несмотря на уничижительный смысл, который неявно присутствует в таком обозначении, мы не можем не признать, что речь идет о преобладающем состоянии сознания современного цивилизованного человека, то есть именно о том его состоянии, внутри которого осуществляется и воспринимается повседневная жизнь. Хотя бы по этой причине оно заслуживает к себе самого серьезного внимания.

Обыденному сознанию присущи определенные свойства. Прежде всего – нормативность, зависимость от господствующих социально-культурных установок. Это означает, что когда обыденному сознанию предстоит решать новые задачи, ответить на экстремальный вызов жизни, оно может сообразоваться лишь с теми данными, которыми